

Мне снился сон. Это был мой родной город из прошлой жизни. Серые хрущевки, мокрый асфальт, голые деревья, а вокруг снег... Его было так много, что казалось, будто он падал с неба сплошной стеной. Вдалеке виднелась вывеска «Магазин продуктов», а на другой стороне дороги фонарный столб освещал остановку. Никогда не думал, что буду скучать по этой мрачной атмосфере...

В этот момент я запрокинул голову к небу. Сквозь серые тучи и пелену снега виднелось солнце, очень странное, незнакомое мне и не вписывающееся в картину вокруг. Оно было черное, его лучи были черными, возникало ощущение, словно оно было холоднее, чем зимы моего первого детства. Чем пристальнее вглядывался, тем более размытым казалось солнце, однако я не отводил взгляд, потому что казалось, что, сделав это, упущу что-то очень важное. Не знаю, сколько так простоял, может быть пары секунд не было, а может быть и несколько часов, но в определенный момент я в панике отшатнулся назад. Мгновение ранее, я увидел, как солнце мигнуло, однако это было не так... Оно не мигало... Там, наверху, далеко за пределами небес, на поверхности солнца моргнул глаз.

— ... Сэр, — приглушенное эхо прокатилось по этому миру. Словно это было заклинание, разрушающее иллюзию, мир вокруг меня начал покрываться трещинами, будто бы стекло.

— ... Прошу прощения, сэр, — голос прозвучал более ясно. Мир начал разваливаться осколками, начиная с серых пятиэтажек и заканчивая солнцем, которое под конец, словно повернулось и впило в меня взглядом.

— Прошу прощения, сэр, — низкорослый кондуктор в опрятной форме стоял в полуметре от меня. Типичные для японцев черные волосы были аккуратно уложены на бок, а черные глаза с беспокойством зыркали на меня из-под очков.

— Минус пять? — я покачал головой, слишком толстая линза для этого, скорее минус четыре.

— Простите? — недоумевающе спросил кондуктор.

— Не обращая внимания, — потирая глаза, полез в карман.

— Ваш билет, сэр, — слегка поклонившись и вынудив себя улыбнуться, обратился кондуктор.

— Конечно, — достал из кармана слегка помятый билет.

— Четвертый вагон, первый ряд, место D, — словно проверяя сам себя, прочитал вслух мужчина, после чего, приподняв взгляд, глянул на номер моего сиденья. Убедившись, что все в порядке, мужчина оторвал корешок билета и передал его мне. — Приятной поездки, сэр.

Я же лишь улыбнулся ему, сжимая корешок указательным и средним пальцами. Кондуктор развернулся и пошел к следующему пассажиру.

Сладко зевнув, оглядываюсь. С правой стороны тройные ряды кресел, спереди и позади — двойные, а слева окно из закаленного стекла... Когда гигантский металлический монстр несется вперед со скоростью четыреста километров в час, то приходится изворачиваться и использовать стекло, которое ставится на бронированные машины.

Четвертый вагон, первый ряд, место D... Все еще держа корешок от билета, вспомнил свою первую поездку в синкансэн. Тогда я спросил деда: «А как так вышло, что первый вагон синкансэна находится сзади?» — само собой, это было, когда старик был еще... жив. Ями старший ответил:

— Какой вагон ближе к Токио — тот и первый.

— Как это так?

— Ближайший к Токио вагон — первый, следующий за ним — второй. Так что когда мы едем туда, где ты родился, первый вагон оказывается в хвосте, а когда возвращаемся обратно в Токио, он становится головой поезда, — старик сделал короткую паузу, взглянув в окно. — Когда синкансэн едет в Токио, о нем говорят, что он поднимается в гору, а поезда, едущие из Токио, спускаются с горы. Так что все крутится вокруг Токио.

Было что-то странное в том, что такая бюрократическая страна, как Япония, была пронизана символизмом, при этом в самом разном ее проявлении. Возвращаясь обратно, в реальность, вокруг было так много людей, что во время каждой остановки, когда люди, не вовремя спохватившись, начинали выходить из вагона, было не протолкнуться. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я бывал тут в последний раз, так что не могу сказать, является ли такая сутолока здесь делом обычным. Но я не удивился бы, если бы кто-нибудь сказал мне, что сегодня где-то поблизости проводится какое-нибудь особенное мероприятие.

Слава Богу, мы живем во времена, когда уже были придуманы кондиционеры и реализована индустриализация, иначе пришлось бы знатно попотеть. Закручивая плотный корешок вокруг своего указательного пальца, меня все еще не покидало чувство недоумения, связанное с тем, что в середине апреля на поезде «Киото — Токио» было так много народу. Однако, я лишь слабо покачал головой, стараясь не забивать голову лишними мыслями, и отвернулся, чтобы посмотреть в окно, как раз в этот самый момент, мимо моего поезда, в противоположном направлении, пронесся синкансэн, направляющийся в Киото, — так быстро, что превращается в размытое пятно.

Поезд «Киото — Токио» сотрясает дрожь.

Я ощутил затаенный трепет перед всепоглощающей скоростью и мощью. Только представьте себе, что кто-то оказался на пути едущего синкансэна — он был бы мгновенно распылен на мельчайшие частицы. Даже я не выдержал бы это, наверное, только Сукуна и Сатору смогли остаться невредимыми... Можно ли это считать показателем того, что я все еще недостаточно силен?

— Индекс Синкансэна, — пробормотал себе под нос, с легким смешком.

Прошло чуть более трех месяцев с того момента, как Оккоцу Юта поступил в Токийский магический колледж. Для парня, этот период времени полностью изменил его жизнь, начиная от обычных привычек и заканчивая философской составляющей. Для меня же почти ничего не изменилось, разве что, вместо трех уставших и избитых одноклассников, лежащих у моих ног, теперь их четверо.

Глядя в пустоту перед собой, я обратил внимание на синий неоновый экран.

Имя: Ями Сукэхиро

Путь: Красный священник — Низкая последовательность 7: Пиромант

Актерский процесс: 78%

Способности: [Улучшение физических показателей — высокий ранг], [Обостренные чувства — высокий ранг], [Мастерство ловушек — высокий ранг], [Знания о выживании — высокий ранг], [Духовность — высокий ранг], [Чувство опасности — высокий ранг], [Провокация — высокий ранг]

Новые способности: [Пирокинез — высокий ранг], [Огненные заклинания — средний ранг], [Огнестойкость — средний ранг]

Чем выше процент актерского процесса, тем сложнее было его поднимать. Поначалу эта шкала легко заполнялась, если я просто сожгу своего противника, но после пятидесяти процентов, мне пришлось изощряться и использовать разные вариации «поджогов». Та же первая миссия вместе с Маки была ярким примером этого, ведь я мог спокойно сжечь проклятье огненным копьем или достаточно большим огненным шаром, но вместо этого я подорвал все здание вместе с проклятьем. И именно в этом и заключалась суть «Актерского процесса» — чем больше я вживлялся в роль своей Последовательности, тем лучше понимал свои способности, находя новые пути их использования. Побочным эффектом такого развития было то, что во время «Актерского процесса» я настолько вживался в роль, что мог перенимать некоторые повадки своей Последовательности. Так, например, мне было неуютно на душе, если не мог выследить свою «добычу», я подсознательно анализировал окружающих меня людей на наличие их «слабой точки», которую я мог использовать в тандеме с [Провокацией]. А теперь, я полюбил смотреть на то, как что-то горит, и когда я говорю «что-то», я имею в виду не только материальное, но и, например, жизнь... Смотреть, как догорает жизнь моего противника, приносило странное удовлетворение. Не то чтобы я стал каким-нибудь маньяком, вовсе нет, однако это еще сильнее разгорячило во мне желание хорошего сражения.

— Сукэхиро, ты в порядке? — вдруг меня окликнул, сидящий сбоку, парень, чем-то смахивающий на типичных японских гангстеров. Его искусственно окрашенные в блонд волосы торчат прядями во все стороны — трудно сказать, укладывает ли он их так специально или просто поленился причесывать, встав утром с кровати. В выражении его глаз и презрительно искривленной линии рта читается полное равнодушие не только к работе, но и вообще ко всему, что происходит вокруг.

— Не я же решил избить консервативно представителя Правления шаманов, — сладко зевнул, вспоминая в какую задницу угодил этот парень. Так еще и проклятье особого ранга попалась на пути отступления... Удачный денек выдался. — А ты как? Как твоя рана?

— Какая еще рана? — пропустив мимо ушей упрек, парень нахмурился и переспросил.

— Ну, та самая, которую ты получил сегодня ночью, когда тебя чуть не обезглавило проклятье. Рана на твоей щеке, — вдруг вклинился в разговор его напарник, парень миловидной внешности — черные ниже плеч волосы, голубые глаза, розовые губы, длинные ресницы. Вкупе с его неформальным прикидом и пирсингом этот парень казался белой вороной в этом вагоне.

— Не неси бред, Кирара. Когда это меня порезали?

— Когда тебя, придурка, спасал Сукэхиро.

Кирара показывает пальцем на меня.

Я молча перевожу взгляд то на Киндзи, то на Кирару. Сколько бы времени не прошло, эти

ребята все равно не поменяются, разве что Кирара станет еще больше походить на девушку.

— Я не такой идиот, чтобы дать порезать себя, да еще и получить рану на лице, так что оставь меня в покое.

И как меня занесло в эту ситуацию? Это ведь была обычная миссия по спасению пары колдунов, а в итоге я оказался посреди «Цирка дю Солей», и соли эти, явно, не французские.

— Ну и откуда у тебя тогда этот порез на щеке? У тебя там красная полоса оттуда досюда. Да я и сам слышал, как это произошло: та мерзкая тварь обошла тебя и саданула клешней в щеку, и ты закричал от боли.

— Мне бы не пришло в голову поднимать крик из-за такого пустяка. Если я и кричал, так это только потому, что уклониться от той мелочи было не сложнее, чем выдрать зуб. Так что я кричал от разочарования. Типа — да неужто он реально такой медленный?! Так что эта штука на моем лице точно не рана. Это обыкновенная экзема. У меня аллергия.

— В жизни не видел экземы, которая выглядела бы как рана.

— А ты что, создатель экзем?

— Я — что? — Кирара даже рот открыл от удивления.

— Ну, я спрашиваю, ты что, самолично создал все экземы и аллергии на свете? Нет? Или, может быть, ты занимаешься критикой аллергий и хочешь оспорить мою личную двадцатичетырехлетнюю аллергическую историю? Что конкретно ты хочешь узнать про экземы?

— Ничего я не отрицаю. И никакой я не создатель экзем. Вот только никакая это у тебя не экзема.

Что за придурки? Я удрученно покачал головой. Это вроде был какой-то план по обмену шаманами между Киотской и Токийской школами, но почему в Киото отправили именно этих... позорников? И если бы они просто были эксцентричными особами, проблем бы не было, ведь кто из шаманов не был странноватым? Но, нет! Эти парни всегда устроят театр из двух актеров, даже в самые напряженные и неподходящие моменты. Чуть что, так Киндзи сразу взъерепится и начнет сыпать дикими предположениями, которые он сочиняет прямо на ходу. Вне зависимости от того, отрицает ли Кирара брошенные ему в лицо обвинения или просто перестает его слушать, он все равно не затыкается.

— Парни, — я прерываю их высокоинтеллектуальный, наполненный юмором и философским смыслом, диалог.

— Чего тебе? — спрашивает Кирара.

— Чего тебе? — спрашивает Киндзи.